

3. КОЗУСЬ

ГНЕЗДО

Нас было многоство —
Таких неутомных
В одно гнездо
Гнездо родное наше —
Детям мы были самыми простыми —
Не хуже и не лучше
В казенных школьных формах своих
Мы были так похожи
Что звали куклоторцами нас
Воспитатели любили,
Наш оглядело бесшабашный класс
А воспитателей любили мы жестоко
Мы ревновали к детям,
Камнями в ярости не раз крошила стекла
Девочка глухая,
Паташевка Ланских
Мы не умели, не могли
В ладонях зам сердечки прически
Давно обиды, горечи
Не кукушат уж вместе
Все оперились и на крыльях стали
Учителя, мы понимали вас,
И жался молча каждый раз
Тумном утреннем
Уже своих мы песцегом птенцов
С годами тяжелеет наше сердце
Понятнее и ближе боль
Мы часто говорим тебе спасибо,
Гнездо родное школа
За то, что обогрела,
Своих неутомных кукушат
Время нам свидетель и
Неподкупно беспристрастно
Это два пакета — Ты и Я
Но боюсь, создавдя
не будет.

Бывает так:
И жизнь, азоравшись,
Ушла вперед, оставив
Твои несовершенные
Ты только грань не смог
Не смог пройти через обрп
Когда емцавет маленькое
Твоя влет, падение и суть
Мне эту грань пришлось
Однажды, трудно выболеть
Когда, казалось, больше
Ко мне пришло еще одно
дыхания.

Не объяснить мне счастья
Когда дрожит душа струна
Не объяснить мне сердце
Когда тебя влечет совсем
Но объяснить мне запаха
Берез взрослеющих
И не понять мне, как же
В чужое море могут зорь
Бросить!

НОС

— А что бы стало,
До старости все рос и рос
И были б все
А удивительно носатыми?
— Дома бы были
И шили б мы на нос
— А как бы нос мы
Ему мала б была сплеть?
И даже маму пеловать,
Наверно, стал бы нос
— Чтоб очень длинным
Хочу, мой друг,
Ты свой курносый носик
Туда, куда не просят.

● СЛУЖАТ ПАРНИ В АРМИИ

Солдатские будни... Это не только военные
учения и боевые тревоги. Это еще и еже-
дневный экзамен на мужество, закалку, вы-
носливость. Об одном из случаев армейской
жизни рассказывает нештатный корреспон-
дент газеты Еремей Айпин, который служит
сейчас в армии.

ГЛУХО
Могучие кедров
промерзшими теле-
ми каплялись земле;
жесткий снег хлестал
их по спине, баше-
ный ветер безжалос-
тно срывал крупные
ветки.

Бурэн захватил тай-
гу. Она рыдала и
стонала, как путник,
застигнутый непого-
дой.

Ефрейтор Шуклин с
ожесточением ре-
зал сугробы широки-
ми лыжами, ветер
тут же заметал его
след. Бурэн обрывал
тонкую нить лыжи,
связывающую с подь-
ми, — это выводило
из себя ефрейтора:
Если бы не девушка,
которую он нес на
спине... Иногда муж-
ские, крепко просо-
ленные слово так об-
легчат душу! Но и
на ругань-то нет вре-
мени — в чаще, где-
то совсем рядом,
отчетливо слышался
воющий вой. Он бес-
пощадно подлесты-
вал лыжника.

Сервы следовали
по пятам.
Шуклин не давал
себе становиться и
перевести дух, хотя
с каждым шагом ста-
новилось все труд-
нее. Девушка, вы-
чале невесомая, ста-
новилась все тяже-
лее. К счастью,
хорошо натрениро-
ванные мышцы пока
еще безотказно слу-
жили ефрейтору. Не-
ожиданно с благо-
дерностью вспомнил
сервита, который

Е. АЙПИН

БУРАН

гонял его по полюсе
до седьмого пота.
Глаза слепило сне-
жной крупой. И вол-
на, истуканом засты-
вшего на занесенной
лыжне. Шуклин скор-
рее почувал, нежели
увидел.
«Когда успел обой-
ти нас! — подумал
солдат. — Или он из
другой стаи! Тогда
не сдобровать нам:
у пычки только два
конца...»

Он шел прямо на
волка: сворачивать
некуда. Уловил зло-
вещий зеленый блеск
волеих глаз и по-
нял, что зверь на
уступит дорогу. Он
присел и велел де-
вушке стать на лы-
жи. Она ничего не
сказала. Лыжи по
трепетному телу ее
руки почувствовал,
какие надежды воз-
лагала она на него,
своего спасителя.
Это придало силы.
Мысль заработала с
утроенной энергией.
Не прогнать же,
черт возьми! Что-то
надо придумать. Мо-
жет быть разложить
кости! Но без топо-
ра хороший огонь не
разведешь — оконча-
тельно до утра. А что,
если из ракетнички?
Прицеливался с ярост-
ной тщательностью.
Окончательные паль-
цы плохо слушались,
но наконец волк
напичеде.

Блудно — красная
вспышка на мгнове-
ние выхватила на
тмы поляну, дух
человек и замараше-
го волка. И снова
все тонет в черной
писти ночи. Когда
глаза привыкли к
темноте, волка не
было — словно вет-
лучшим лыжником
и хорошо зная ок-
рестности городка...
На крутом склоне
сопки лыжник со
своей ношей разо-
гнался авсюю. Ку-
старник хлестал по
телу, жедно вырывал
ключая одежде. Шук-
лин тяжело лапиро-
вал между пнями и
многочисленными и
кочками. Становилось
все труднее: на
снежной целине лы-
жи стали неуправ-
ляемыми.
«Если врежемся в
ствол — в лепешку!»
— отметил Шуклин,
до боли в глазах
взмориваясь в мут-
ную пелену перед
собой.
Вдруг земля ушла
из-под ног, и они
полегели в пустоту.
Тело ощутило тош-
нотворную легкость
падения. Шуклин
весь нагрудничился
ожидаю удар. Реану-
ло — и вот они уже
кувыркаются по об-
рыву.
На ане всегда за-
гибает — сюда заме-
тало лишь потемку.
Полет дорого обо-
шелся — пропелера
клеткица, сломаны
лыжи.
Шуклин включил
наблюдения в рот
сиги и успел кол-то
ли ступничку, то ли
себя:
— С такого обра-
ва волки не гонимое
сигануть, так что
черт с ней, с ракет-
ничкой. Без лыж до-
беремся как-нибудь...
«Когда зеленая
ракета неудачно
разорвала серую за-
вись бурана, он ступи-
вился на сугроб и
усталая сказала де-
вушке:
«Нели мрут, сол-
даты... Можно и за-
курить.
Из бесполоея с
вещными сопки ве-
тер вонесла тосли-
вый ачий вай...»

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Февраль-76

Она глядела в сумрак синий,
Как мамка старая моя,
Что закурилась а сыне.

ПО ЯГОДУ

По морозцу русскому,
По проселку узкому
Хорошо по ягоду
Топать поутру.
Звонко дятел стучает,
Даль ему узнает,
И ледяшор брякает
Кружка по ведру.
Давнее, заветное,
Место есть приметное.
Вот лесом окончится,
И увидишь ты:
Ничего особого,
Заросло осокою,
Кустики да кочки,
Кочки да кусты.
А на каждой кочке —
Красненькие точки,
Сыпано-усыпано,
Словно кем просыпано.

Насковье промочен. И
насковье продут.
С мальчишней отвалою все
прикимая,
С приобичен излучин
глазастый Сургут
Гусей провожает тревожную
стаю.
За ними — метели. За ними
— снега.
Последний косяк
уходящего лета
На ночь обдувает его
берега
И смирнется в путь, не
дождавшись рассвета.
В кепчонке пуховой по
связю бровь
Стоит он под небом
холодным и млдистым.
А ветер срывает с ветвей
воробьев,
Как обветшалые поздние
листья.

Ю. ЛАПИН

ОСЕНЬЮ В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

...Скрипки отнастраивал
сверчок,
В озерах зори вдруг
отпламенили,
И по ружью згелало
плечо,
А сердце — по осенней
акаварли.
Я пью бодрящий крепкий
запах смол
И делаю манок на
хвосторники.
Товарищ по охоте мне
на стол
С брусничкой ставит полнуюю

корзинку
ревел,
Пушнину с листеночком
срыпзает в поенье.
Зима, как белка, цокая,
идет
В Югре спраэзали свой новый
день рождения,
Я через лето тропы к ней
мостил.
Спокойствие герял, по ней
тоскую.
Любитель лета, ты меня
прости —
За зиму я, как прежде,
голосую.

Б. ДОЛГУШИН

Январской ночью
Увидел я луну.
Необыкновенно красивую,
Немного тусклую,
Красивую.
В ней я увидел
Нежности глубину,
Душевности глубину.
И понял —
Невиновности
мой
вину

Светало. Новый день
рождался,
Восход на цыпочки поднялся.
Зашевелились облака.
Лес, удивляя, удивлялся,
Как ласков ветер
У виска.
Вамерла,
Вастыла
Тень твоа.
Лишь иногда колыхнется...
Мне тяжело
дышитесь!

Н. СОУШИН
СТАРАЯ БЕРЕЗА

Она взошла на тот откос,
Занемогла и там осталась
С причешкой из сухих волос
И в платье, старинном
и старом.
Разверзлась даль. И было
спышно,
Как от ветвей отпал листок
И в воздухе легил недвижно.
Судбе не плачься, не моля,